

*Е. Ю. Машукова**

ХРИСТИАНСТВО «НОВОГО ГРАДА»

Целью данного исследования является анализ понимания христианства авторами эмигрантского журнала «Новый град». Журнал выходил в Париже с 1931 по 1939 г., а его авторами были видные представители русской религиозной и философской мысли: Ф. Степун, И. Бунаков, Г. Федотов, Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Гессен и др. Главным приоритетом журнала было осмысление советского опыта строительства социализма. Не принимая и критикуя сталинский социализм, новгородцы не принимали и капитализм в качестве возможной социальной альтернативы. По их мнению, в этих режимах одинаково угнеталась личность. А свобода личности была для них высшей целью социального развития. Они ищут третий путь для России, а в перспективе и для всего человечества. Будущее справедливое общество виделось им обществом, в котором будут обеспечена свобода личности и приоритет духовных ценностей над материальными. Новогородцы понимали, чтобы создать такое общество, нужно изменить сознание людей. Они надеялись, что это можно сделать с помощью общественной реформы, основанной на христианстве. Но христианство они понимали не как конфессию, а как целостное мировоззрение и образ жизни, выдвигая на первый план его нравственное и социальное содержание. Отвечая на вопрос, почему именно христианство новогородцы делают основанием будущего справедливого общества, автор опирается на аргументы, изложенные в статьях ведущих теоретиков «Нового града» — Н. Бердяева, Ф. Степуна, Г. Федотова.

Ключевые слова: христианство, духовные ценности, свобода личности, «Новый град», общественная реформа.

E. Yu. Mashukova

THE CHRISTIANITY OF THE "NEW CITY"

The purpose of this study is to analyze the understanding of Christianity by the authors of the émigré magazine "Novy Grad". The magazine was published in Paris from 1931 to

* Машукова Елена Юрьевна — канд. филос. наук, lilacrainbow@yandex.ru, доцент, кафедра истории и философии, Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского.

Elena Yu. Mashukova — Candidate of Philology, sciences, lilacrainbow@yandex.ru, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Mozhaisky Military Space Academy.

1939, and its authors were prominent representatives of Russian religious and philosophical thought: F. Stepun, I. Bunakov, G. Fedotov, N. Berdyaev, S. Bulgakov, S. Gessen and others. The main priority of the magazine was to understand the Soviet experience of building socialism. Not accepting and criticizing Stalin's socialism, the Novogradiers did not accept capitalism as a possible social alternative. In their opinion, the individual was equally oppressed in these regimes. And individual freedom was the highest goal of social development for them. They are looking for a third way for Russia, and in the future for all of humanity. They saw the future just society as a society in which individual freedom and the priority of spiritual values over material ones would be ensured. The Novogradiers understood that in order to create such a society, it was necessary to change people's consciousness. They hoped that this could be done with the help of a social reform based on Christianity. But they understood Christianity not as a confession, but as a holistic worldview and way of life, putting its moral and social content in the foreground. Answering the question of why the Novogradians make Christianity the foundation of a future just society, the author relies on the arguments set out in the articles of the leading theorists of "Novy Grad" — N. Berdyaev, F. Stepun, G. Fedotov.

Keywords: Christianity, spiritual values, personal freedom, New City, social reform.

«Как философ я скажу, что глубже и выше христианства ничего быть не может».

Ф. Степун.

Эмигрантский журнал «Новый град» выходил в Париже с 1931 по 1939 г. Создателями этого журнала были выдающиеся русские мыслители: Георгий Федотов, Федор Степун и Илья Бунаков (Фондаминский). Все они ранее были сотрудниками одного из самых известных журналов русской эмиграции — «Современных записок». Идея создания нового журнала появилась у них вследствие неудовлетворенности политической и идеологической индифферентностью «Современных записок», журнала по преимуществу литературного.

За время существования журнала было опубликовано 14 номеров, в которых печатались такие выдающиеся мыслители, как Н. А. Бердяев, П. М. Бизилли, С. Н. Булгаков, С. И. Гессен, Б. П. Вышеславцев, Н. О. Лосский, И. А. Лаговский и др. В отличие от «Современных записок», которые ограничивали публикацию религиозных материалов, «Новый град» имел ярко выраженную религиозно-философскую направленность. Основной темой журнала стало «социальное христианство».

Новоградцы были уверены, что революции происходят не из-за экономического упадка, а из-за разрыва между сознанием народа и существующим строем. В статье «Христианство и революция», напечатанной в двенадцатом номере «Нового града», Н. Бердяев, рассуждая о причинах революций, отмечает, что революция не ограничивается только политическими и социальными изменениями, но также является духовным феноменом с религиозным смыслом. По мнению философа, революция всегда показывает, что прежние ценности и святыни утратили свою подлинность и искренность. Это выражается в том, что то, что раньше казалось священным, становится условно-риторическим:

«Из духовных ценностей было сделано отвратительное употребление, ими защищали неправду и прикрывали корыстные интересы. И духовные ценности стали ненавистны тем, которые от их дурного употребления страдали» [5, с. 49].

По мнению Бердяева, именно духовное состояние старых обществ предопределяет фатальность революций [5, с. 49].

Поэтому новгородцы были убеждены, что их главная задача — это подорвать доверие людей к советскому строю и противопоставить большевистской идеологии мировоззрение, в котором главной ценностью будет признание абсолютной ценности личности. Капитализм и коммунизм они рассматривали, по их собственному выражению, как «сиамских близнецов», так как в этих системах невозможно было достижение главной цели социального развития — свободы личности. Будущее трудовое общество должно быть свободным. Это неосуществимо без изменения сознания людей. Они были убеждены, что это изменение возможно только на началах христианства.

Следует отметить, что новгородцы не были в этом отношении особенно оригинальны, это признает и сам Г. Федотов в статье «Основы христианской демократии», где он прямо говорит, что «большинство русских, так называемых пореволюционных течений, возникают на почве социального православия» [24, с. 3]. Ф. Степун говорит о традиции неохристианства в России двадцатого века, и, наконец, необходимо согласиться с современным исследователем А. Ермичёвым, который отмечает, что «если заглянуть в историю русской общественности, то мы увидим, что социальное христианство для нас было не просто одной из многих традиций, а, быть может, ведущей традицией» [7, с. 448].

Новгородцы постоянно отмечают сходство социализма с христианством. Г. Федотов пишет:

«Стоило поблекнуть миру капиталистической долговечности, и стало сразу явным, как глубоко социализм укоренен в христианстве: в евангелии, в апостольских общинах, в древней церкви, в самом монашестве, в социальном служении средневековой, как западной, так и русской церкви. Выясняется окончательно, что социализм есть блудный сын христианства» [24, с. 3].

Ф. Степун также отмечает, что социализм есть не что иное, как социальная проекция христианства:

«мало-мальски беспристрастное исследование вопроса об отношении христианства к социализму и капитализму с непрерываемой очевидностью устанавливает социалистическую, а не капиталистическую душу социальной эпохи христианства» [18, с. 34]; «Христианство всегда защищало труд, и прежде всего физический труд, как основу человеческого общежития», «христианская душа по природе социалистична» [17, с. 26].

Конечно, новгородцы были убеждены, что большевистский марксизм имеет очень мало общего с подлинным социализмом, прежде всего потому, что в большевистской России человек как духовное существо абсолютно невозможен. Ф. Степун отмечает, что, в отличие от либеральной буржуазии и европейского социализма, которые отказались от идеи божественной природы человеческой души, большевизм пошел еще дальше — он полностью отверг саму идею человека как духовного существа, в советской идеологии существуют лишь «пролетарий, чья душа — это конденсированный пар в котле, и буржуа, чья

душа — отработанный пар котла» [13, с. 7]. Такое обезличивание человека дало большевизму возможность стремиться к «счастью человечества», не считаясь со страданиями каждого отдельного человека, и именно этим объясняется, по мнению Степуна, успех большевизма.

Необходимо также уточнить, что новгородцы принимают христианство скорее как мировоззрение, чем как одну из конфессий. Совсем в духе Достоевского Г. Федотов утверждает, что «христианство бесконечно выше социального правды» [20, с. 7]. Но христианство не как учение, а как целостное мировоззрение и образ жизни: «Мы спрашиваем не о том, во что человек верует, а какого он духа» [20, с. 7]. В центре внимания новгородцев — этическое и социальное содержание христианства.

Итак, почему именно христианство делают новгородцы основой будущего справедливого социального строя? В своей аргументации я буду опираться на статьи самых заметных выразителей «христианского социализма» — ведущих теоретиков «Нового града»: Ф. А. Степуна, Г. П. Федотова, Н. А. Бердяева.

Начать, вероятно, нужно с того, что *главной своей задачей* авторы «Нового града» считали *воспитание нового человека*.

В программной статье «О человеке “Нового града”», напечатанной в первом номере журнала, Ф. Степун подчеркивает, что центральным вопросом для будущего России является вопрос о внутренней сущности того человека, который будет ее строить. Поэтому «творческий замысел о человеке завтрашнего дня становится основной задачей всякого вновь слагающегося политического течения» [15, с. 6–7]. Новгородцы были убеждены, что борьба за духовные ценности — это прежде всего борьба за человеческую личность как высшую ценность, созданную по образу и подобию Бога. Личность не может быть сведена к функции, она не может быть превращена в средство и орудие для мощи государства или социального коллектива. Поэтому они считали необходимым сформировать новое религиозное мировоззрение, направленное на духовное преображение человека — того самого человека «Нового града». По мнению Степуна, социальная значимость христианства заключается в том, что оно раскрывает бесконечную ценность личности. Современный исследователь творчества Ф. Степуна А. А. Ермичёв называет мировоззрение Степуна «христианским персонализмом», подчеркивая его убеждение в том, что христианство существует только через личность и в личности, и именно оно делает человека по-настоящему личностью [7, с. 451]. Эту позицию разделяет Н. Бердяев, который говорит, что христианство по своей сути — это вечная персоналистическая революция. В те моменты, когда оно теряло эту свою главную суть, оно приспособлялось к миру, теряло силу и отталкивало от себя людей [3, с. 46]. Г. Федотов поясняет, что христианство, будучи вечной истиной, играет ключевую роль в переходе человека от внешней зависимости к внутренней свободе. Оно учит ориентироваться не на внешние обстоятельства, а на высшие ценности, принятые как собственные. Именно это придает человеческой личности и ее правам подлинную, неотчужденную сущность, делая эти ценности частью самого человека, а не чем-то навязанным извне.

Во-вторых, *именно в христианстве*, полагают новгородцы, *содержится оправдание социальной активности личности*.

Христианство эсхатологично, но новоградцы не принимают эсхатологизм, который избавляет от ответственности за историю. Для них идея Богочеловечества является центральной в христианстве. Поэтому новоградцы настаивали на отказе от социальной пассивности. Христианин, по их мнению, должен уметь активно противостоять злу и понимать, что реализация социальной миссии христианства зависит не от внешних обстоятельств, а от конкретных действий людей, стремящихся к построению справедливого общества.

Ф. Степун пронизательно отмечает, что особенность Евангелия в том, что оно не содержит окончательно сформулированного и целостного христианского мировоззрения. В нем нет готовой социальной программы, а также четких ответов на многие важные вопросы, такие как любовь, семья, творчество и культура. Критикуя крайности клерикализма, готового принять на веру религиозные догматы и жестко им следовать, Степун отмечает, что эта кажущаяся лаконичность не является случайной, — напротив, она задумана свыше. Смысл такой «скупости» в том, что христианство не сводится к принятию догм или к следованию определенным мировоззренческим принципам. Оно требует творческого раскрытия смысла мира и жизни, основанного на личном опыте познания Христа» [15, с. 11].

Оправдание человеческой активности через представление истории как Богочеловеческого процесса получает развитие и в работах Г. Федотова. Он предлагает активную интерпретацию христианского эсхатологизма, опираясь на идеи Н. Ф. Федорова. В философии «общего дела» Федотов особенно выделяет мысль о пророчествах как предупреждениях, реализация которых зависит от свободной воли и усилий человека, — тем самым подчеркивая условный характер будущего и ответственность человека за его исход:

«идея Федорова об условном значении пророчеств явилась для нас настоящим освобождением. Пророчество не есть констатирование неизбежности, обращенная в будущее цепь железных закономерностей. Такое фаталистическое понимание было бы разрушительным для моральной деятельности человека. Если Бог приоткрывает будущее для человека, то для того, чтобы влиять на его волю, его поведение, от которого это будущее зависит» [23, с. 52].

Вера в Богочеловечество должна приводить не к пассивности, а к борьбе со злом и стремлению к построению Царства Божьего на земле через осознанные действия. В статье «Эсхатология и культура», опубликованной в тринадцатом номере журнала «Новый град», Федотов приводит пример святого Людовика Гонзаго, который, будучи римским семинаристом, во время игры в мяч на вопрос о том, что бы он сделал, если бы мир вот-вот закончился, ответил: «Я бы продолжал играть в мяч». Этот ответ, полагает Федотов, отражает зрелый христианский взгляд на жизнь: если игра не является грехом, то нет смысла прекращать ее в ожидании конца света. Если же она греховна, то от нее следует отказаться независимо от времени конца мира. Федотов считает, что этот эпизод учит важному принципу: каждый человек должен оставаться на своем посту, исполняя свою миссию. В этом заключается высшая форма социальной дисциплины и ответственности. Он предлагает две основные максимы жизни: жить так, как если бы каждый день мог стать последним,

и в то же время — так, как если бы жизнь была бесконечной. Этот же принцип применим и к культурной деятельности: трудиться так, как если бы история продолжалась вечно, но одновременно осознавать, что она может закончиться в любую минуту:

«Вот максима личной жизни: живи так, как если бы ты должен был умереть сегодня, и одновременно так, как если бы ты был бессмертен. И вот максима культурной деятельности: работай так, как будто история никогда не кончится, и в то же время так, как если бы она кончилась сегодня. Противоречие? Нет. Трудность? Еще бы» [23, с. 51].

По мнению Федотова, такой взгляд не является противоречивым, но представляет собой сложную задачу. Он исходит из того, что бесконечность и бессмертие придают смысл человеческой жизни и труду, выходящему за пределы времени, тогда как осознание смертности и эсхатологическая перспектива формируют духовное отношение человека к миру. Это напоминание о хрупкости и временности всех земных достижений, а также о стремлении к высшему, абсолютному совершенству, которого невозможно достичь лишь средствами культуры.

И наконец, Н. Бердяев завершает свой текст «Христианство и революция» призывом к активному участию христиан в преобразовании мира. Он отвергает идею, что христианство должно быть пассивным или консервативным. Наоборот, он настаивает, что христианство должно быть революционным в духовном плане, активно бороться за справедливость и свободу личности.

Бердяев подчеркивает, что истинное подтверждение христианской истины заключается не в сохранении существующего порядка, а в его творческом преобразовании: «Реальное, а не условно-символическое доказательство христианской правды есть не сохранение мира, а его трансформация, его творческое изменение» [5, с. 62]. Он призывает христиан не просто признавать революционные изменения в обществе, но и активно участвовать в их формировании, при этом оставаясь верными христианским ценностям и духовным идеалам. Христианская совесть не может примириться с любым социальным порядком, в котором человеческая личность превращается в инструмент, лишается достоинства, подвергается эксплуатации и не имеет возможности вести достойную жизнь в обществе. Человек не должен быть средством для могущества государства, нации, экономического роста или интересов какого-либо класса. По мнению Бердяева, настоящая революция, необходимая миру, — это не политический переворот, а свержение ложных идолов. Человечество склонно поклоняться идеологиям, государству, власти, экономике, но христиане должны призывать не к борьбе за власть, а к освобождению человеческой жизни от диктата политики. Он утверждает, что дух должен господствовать над социальной средой, а не определяться ею. Ни одно историческое или социальное устройство не может быть признано священным, но священны лишь духовные ценности — человеческое достоинство, свобода, справедливость, милосердие, труд и любовь [5, с. 53].

В-третьих, новгородцы утверждали, что *христианство реализует свое социальное предназначение, выступая одновременно ценностным основанием общественной жизни и ее нравственным регулятором.*

В условиях роста тоталитарных идеологий возникает необходимость возвращения христианства к его социальной роли, особенно в сфере культурного развития. Степун подчеркивает, что только внеисторическая истина способна преодолеть современные социальные противоречия и соединить разрозненные элементы общества. Христианство, по его мнению, помогает осознать относительность любых идеологически навязываемых истин.

Главная задача христианской политики, по мнению новоградцев, заключается в защите религиозного начала, которое должно служить источником духовной энергии для обустройства земной жизни — своего рода «силовой станцией» [16, с. 66]. Общество нуждается в устойчивых моральных и духовных ориентирах, поскольку без универсальных и абсолютных норм должного само существование мира становится невозможным.

В статье «Идея России и формы ее раскрытия» Ф. А. Степун, опираясь на концепцию В. Соловьёва, проводит различие между понятиями идеи и идеологии. Идея — это Божий замысел о мире и человеке, а идеология — это человеческое искажение идеи и истины. Призвание России он видит в защите божественного замысла от идеологических подмен. Степун диагностирует кризис ценностей в современности: религиозное сознание вытесняется множеством конкурирующих идеологий, каждая из которых претендует на абсолют. Это, по его мнению, знаменует переход от эпохи свободомыслия к идеологическому диктату, где гуманизм сменяется авторитаризмом [17, с. 15–16].

Когда Бог теряет свою роль в культуре, одна из относительных идей может занять место абсолютного идеала, порождая утопическое мышление. Утопия, по мнению Степуна, — это вера в возможность создания совершенного общества исключительно на основе разума. Он относит к таким утопиям большевизм и нацизм, поскольку в них Божий замысел заменяется верой в построение идеального общества как конечной цели развития человечества. Степун утверждает, что христианство по своей сути является антиутопией. Оно отрицает иллюзию полного счастья, достижимого через социальное устройство, и отвергает насилие как средство преобразования общества:

«Сущность утопии — заключается в вере, что на путях разумного устроения общества возможно осуществление полного счастья на земле. Ленину, осматривавшему, трезвому, политическому тактику и все-таки одному из величайших утопистов, судьба предоставила все возможности осуществления его утопии. Осуществление это накрепко связало рассудочный дух утопизма с насильническим безумием демагогии и диктатуры. Ясно, что христианскому мирозерцанию ничто не может быть более чуждо, чем двуединый дух утопизма и насилия» [15, с. 15–16].

Ф. А. Степун подчеркивает, что христианское сознание, укорененное в вере в «безумие креста» (выражение Ф. Тютчева в письме к Шеллингу), принципиально не принимает открытия новых «истин», не связанных с христианством. Это делает его несовместимым с утопическим рационализмом, который возлагает надежды на разум как высшую силу, способную создать идеальное общество. Христианство, по мнению Степуна, отвергает не только утопизм, но и любое оправдание насилия. В центре христианской этики стоит заповедь любви к ближнему, которая служит внутренним сдерживающим механизмом

против политического радикализма и фанатизма. Только любовь к человеку, утверждает он, может противостоять утопической склонности к принесению личности в жертву ради абстрактных идеалов. Исходя из этого Степун определяет христианство как форму «антиутопизма», основанного на реалистичном подходе к обществу, ориентации на конкретные, постепенные преобразования и отказе от попыток создания совершенного общества через насилие и принуждение [15, с. 11].

Христианство призывает людей к нравственному совершенствованию, так как справедливое общество невозможно без изменения отношений между людьми. Но люди склонны предаваться утопиям, так как это намного легче, чем пытаться изменить себя.

Далее, лишь христианство утверждает равенство целого и части, личности и мира, Церкви и человеческой души [20, с. 6].

Новоградцы считают, что православие сохраняет актуальность благодаря тому, что однажды в нем было отмечено славянофилами, — соединению свободы и единства, что особенно важно для обновления человеческих отношений. Они усматривают в соборности — общественном строе, основанном на нравственных связях, — путь к гармонии между свободой и равенством, личностью и обществом.

И наконец, *новоградский христианский социализм не требует создания особой христианской организации* — его суть проявляется в личных поступках людей, для которых христианство стало внутренним нравственным ориентиром и образом жизни. Не случайно новоградство стоит у истоков «Православного дела» матери Марии (Е. Ю. Скобцовой). Во время нацистской оккупации Парижа дом матери Марии стал убежищем для евреев и военнопленных. Она вместе с отцом Димитрием Клепининым выдавала евреям поддельные свидетельства о крещении, которые иногда спасали жизни. 8 февраля 1943 г. мать Мария и ее сын Юрий были арестованы и отправлены в концлагерь Равенсбрюк. Вместе с ними был арестован и отец Димитрий. Юрий погиб 6 февраля 1944 г. в лагере Дора-Миттельбау, а отец Димитрий умер от воспаления легких там же. По преданию, мать Мария добровольно заняла место молодой женщины, надев платье с ее номером, и была казнена в газовой камере 31 марта 1945 г. — за неделю до освобождения лагеря. В 1985 г. Яд Вашем присвоил ей звание «праведника мира», а в 2004 г. Константинопольский патриархат канонизировал ее вместе с сыном Юрием, отцом Димитрием и Ильей Бунаковым-Фондаминским [26].

В контексте судьбы матери Марии и отца Димитрия Клепинина становится особенно значимым вопрос, поставленный самым молодым участником круга новоградцев — В. Варшавским: можно ли рассматривать героическую смерть как особую форму культурного творчества? На первый взгляд это утверждение может показаться парадоксальным, однако исторический опыт дает немало подтверждений тому, что самоотверженная жертва во имя высших ценностей способна стать не только нравственным, но и культурным актом, влияющим на сознание общества и формирующим его духовные ориентиры:

«Если бы Христос бежал из Гефсиманского сада, не было бы христианства и всего вдохновленного христианством творчества, не было бы готических соборов и русской литературы XIX века, не было бы всей современной западной

цивилизации с ее демократическим идеалом, наукой и машинизмом, не было бы всех чувств и нравственных понятий, открывающих перед нами наше человеческое призвание; и если бы Сократ не послушался голоса своего демона и, вместо того чтобы выпить кубок цикуты, выбрал бы изгнание или стал бы оправдываться перед народным трибуналом, не было бы стоицизма, не было бы Платона и Плотина, всей великой греческой философии, оказавшей такое глубокое влияние на развитие европейской христианской культуры» [6, с. 261].

Варшавский делает вывод, с которым нельзя не согласиться, что готовность пожертвовать собой во имя идеи становится мощным источником духовного и культурного творчества.

В заключение необходимо сказать, что новоградцы видели свою идеологию как единство идей христианства, социальной справедливости и личной свободы. Они утверждали, что государственный строй должен быть строем свободы, и это означало, что в нем будет признаваться абсолютная ценность каждой человеческой личности. Они были убеждены, что подлинной ценностью обладает не формальное равенство, а достоинство каждого человека, его свобода, творческий потенциал и братское отношение к другим людям. Неравенство между людьми — в талантах, качествах, признании — неизбежно, но оно должно быть личным, исходящим из индивидуальных различий, а не обусловленным социальным положением, происхождением или материальным достатком, как это происходит в сословном или классовом обществе. Поэтому бесклассовое общество следует понимать не как уравнивание всех, а как пространство, где раскрывается реальное многообразие личностей и их качественная индивидуальность. Новоградцы отстаивали социализм, основанный на совести и справедливости, который, по их убеждению, возможен лишь при условии внутреннего самосовершенствования человека. Они выступали за демократию, основанную на труде, разуме и личных способностях, но при этом ясно осознавали: такая форма общественного устройства может быть реализована только через духовную революцию. И эту духовную революцию они видели возможной исключительно на основе христианства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев О. В., Ермичёв А. А.* «Новый град»: проект духовного и социального переустройства мира // *Философия и общество*. 1999. № 1. С. 154–172.
2. *Бердяев Н. А.* Социальный кризис культуры // *Новый град*. 1932. № 3. С. 46–53.
3. *Бердяев Н. А.* О социальном персонализме // *Новый град*. Париж. 1933. № 7. С. 44–60.
4. *Бердяев Н. А.* Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // *Новый град*. 1939. № 13. С. 5–11.
5. *Бердяев Н. А.* Христианство и революция // *Новый град*. 1937. № 12. С. 48–62.
6. *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1956. С. 277–310.
7. *Ермичёв А. А. Ф. А. Степун: христианское видение России* // *Ф. А. Степун. Чаемая Россия*. СПб., 1999. С. 446–467.

8. Загирняк М. Ю. Социальное христианство в философии истории Ф. А. Степуна // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 6. С. 36–46.
9. Машукова Е. Ю. «Новый град» о социалистическом строе в России // Вестник РХГА. 2020. № 4. С. 139–153.
10. Машукова Е. Ю. Формирование советского человека в рецепциях авторов журнала «Новый град» // Вестник РХГА. 2021. № 4. С. 278–290.
11. От редакции // Новый град. 1935. № 10. С. 3–12.
12. Русская философия. Энциклопедия. М.: Мир философии. 2020. 918 с.
13. Степун Ф. А. Пути творческой революции // Новый град. 1931. № 1. С. 8–20.
14. Степун Ф. А. Задачи эмиграции // Новый град. 1932. № 2. С. 15–27.
15. Степун Ф. А. О человеке Нового града // Новый град. 1932. № 3. С. 6–20.
16. Степун Ф. А. Еще раз о человеке Нового града // Новый град. 1933. № 4. С. 63–72.
17. Степун Ф. А. Идея России и формы ее раскрытия // Новый град. 1934. № 8. С. 15–27.
18. Степун Ф. А. Чаемая Россия // Новый град. 1936. № 11. С. 11–40.
19. Степун Ф. А. О свободе // Новый град. 1938. № 13. С. 11–44.
20. Федотов Г. П. Новый град // Новый град. 1931. № 1. С. 3–8.
21. Федотов Г. П. Что такое социализм // Новый град. 1932. № 3. С. 21–33.
22. Федотов Г. П. О национальном покаянии // Новый град. 1933. № 6. С. 3–11.
23. Федотов Г. П. Эсхатология и культура // Новый град. 1939. № 13. С. 45–56.
24. Федотов Г. П. Основы христианской демократии // Новый град. 1934. № 8. С. 3–15.
25. Федотов Г. П. К смерти или к славе // Новый град. 1939. № 14. С. 100–111.
26. Мать Мария. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 01.03.2025)

REFERENCES

1. Anan'ev, O. V., Ermichev, A. A. «*Novyj grad*»: *proekt dukhovnogo i social'nogo pereustroystva mira* ["Novy Grad": a project for the spiritual and social reconstruction of the world]. In: *Filosofiya i obshchestvo*, 1999, no. 1, pp. 154–172 (in Russian).
2. Berdyaev, N. A. *Social'nyj krizis kul'tury* [The social crisis of culture]. In: *Novyj grad*, 1932, no. 3, pp. 46–53 (in Russian).
3. Berdyaev, N. A. *O social'nom personalizme* [About social personalism]. In: *Novyj grad*, 1933, no. 7, pp. 44–60 (in Russian).
4. Berdyaev, N. A. *Krizis intellekta i missiya intelligencii* [The crisis of intelligence and the mission of the intelligentsia]. In: *Novyj grad*, 1939, no. 13, pp. 5–11 (in Russian).
5. Berdyaev, N. A. *Hristianstvo i revolyuciya* [Christianity and Revolution]. In: *Novyj grad*, 1937, no. 12, pp. 48–62 (in Russian).
6. Varshavskij, V. S. *Nezamechennoe pokolenie* [The unnoticed generation]. N'yu-York, Izd. imeni Chekhova, 1956, pp. 277–310 (in Russian).
7. Ermichev, A. A. F. A. *Stepun: hristianskoe videnie Rossii*. In: F. A. Stepun. *Chaemaya Rossiya* [F. A. Stepun: the Christian Vision of Russia. In: F. A. Stepun. Dear Russia]. Saint Petersburg, 1999, pp. 446–467 (in Russian).
8. Zagirnyak, M. Yu. *Social'noe hristianstvo v filosofii istorii F. A. Stepuna* [Social Christianity in the Philosophy of History by F. A. Stepun]. In: *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2015, iss. 6, pp. 36–46 (in Russian).

9. Mashukova, E. Yu. "Novyj grad" o socialisticheskom stroe v Rossii ["Novy Grad" on the socialist system in Russia]. In: *Vestnik RHGA*, 2020, no. 4, pp. 139–153 (in Russian).
10. Mashukova, E. Yu. *Formirovanie sovetskogo cheloveka v recepciyakh avtorov zhurnala "Novyj grad"* [The formation of the Soviet Man in the receptions of the authors of the "Novy Grad" magazine]. In: *Vestnik RKHGA*, 2021, no. 4, pp. 278–290 (in Russian).
11. *Ot redakcii* [From the editorial office]. In: *Novyj grad*, 1935, no. 10, pp. 3–12 (in Russian).
12. *Russkaya filosofiya. Enciklopediya* [Russian philosophy. Encyclopedia]. Moscow, Mir filosofii, 2020, 918 p. (in Russian).
13. Stepun, F. A. *Put' tvorcheskoj revolyucii* [Ways of creative revolution]. In: *Novyj grad*, 1931, no. 1, pp. 8–20 (in Russian).
14. Stepun, F. A. *Zadachi emigracii* [Emigration tasks]. In: *Novyj grad*, 1932, no. 2, pp. 15–27 (in Russian).
15. Stepun, F. A. *O cheloveke Novogo grada* [About the man of the New City]. In: *Novyj grad*, 1932, no. 3, pp. 6–20 (in Russian).
16. Stepun, F. A. *Eshche raz o cheloveke Novogo grada* [Once again about the man of the New City]. In: *Novyj grad*, 1933, no. 4, pp. 63–72 (in Russian).
17. Stepun, F. A. *Ideya Rossii i formy ee raskrytiya* [The idea of Russia and the forms of its disclosure]. In: *Novyj grad*, 1934, no. 8, pp. 15–27 (in Russian).
18. Stepun, F. A. *Chaemaya Rossiya* [Dear Russia]. In: *Novyj grad*, 1936, no. 11, pp. 11–40 (in Russian).
19. Stepun, F. A. *O svobode* [About freedom]. In: *Novyj grad*, 1938, no. 13, pp. 11–44 (in Russian).
20. Fedotov, G. P. *Novyj grad* [Novy Grad]. In: *Novyj grad*, 1931, no. 1, pp. 3–8 (in Russian).
21. Fedotov, G. P. *Chto takoe socializm* [What is socialism]. In: *Novyj grad*, 1932, no. 3, pp. 21–33 (in Russian).
22. Fedotov, G. P. *O nacional'nom pokayanii* [On national repentance]. In: *Novyj grad*, 1933, no. 6, pp. 3–11 (in Russian).
23. Fedotov, G. P. *Eskhatologiya i kul'tura* [Eschatology and Culture]. In: *Novyj grad*, 1939, no. 13, p. 45 (in Russian).
24. Fedotov, G. P. *Osnovy hristianskoj demokratii* [The Foundations of Christian Democracy]. In: *Novyj grad*, 1934, no. 8, pp. 3–15 (in Russian).
25. Fedotov, G. P. *K smerti ili k slave* [To death or to glory]. In: *Novyj grad*, 1939, no. 14, pp. 100–111 (in Russian).
26. *Mat' Mariya* [Mother Mary]. [Electronic resource] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date of request: 01.03.2025) (in Russian).